
Печать дракона
Путь избранной
А.В. Алест

А. Алест

Печать дракона. Путь избранной

https://litres.ru/74725402
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная сирота Арлейн не просила быть избранной, но магия драконов выбирает тех, кто умеет терпеть боль.

Между покорностью и бунтом, одиночеством и тягой к любви, ей предстоит пройти путь сквозь огонь и чужие интриги, чтобы обрести себя, защитить тех, кого любит, и, возможно, когда-нибудь - простить себя.

Содержание

Глава 1. Ваша похлебка 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

А. Алест
Печать дракона. Путь избранной

Глава 1. Ваша похлебка

Кухня "Пепельного ключа" задыхалась в вечном дыму, а Арлейн в усталости. Запах пережаренного сала давно въелся в волосы и кожу. Она ловко лавировала между столами с подносом, стараясь не споткнуться о выставленную ногу очередного подвыпившего завсегдатая.

Гости шумели так, будто был праздник, а не обычный будничный вечер. Кто-то спорил, кто-то просто смотрел в кружку так, словно хотел утонуть в густой пене.

- Арли! Ты там заснула, что ли? - Барут высунулся из-за стойки, брови сдвинуты, руки в муке.

Арлейн не обернулась, только бросила через плечо:

- Нет, Барут, я учусь летать, вот жду, когда крылья прорастут.

- Остроумная нашлась! - буркнул хозяин. - Тут тебе не балаган! Люди жрать хотят!

Она сжала зубы, но промолчала. Под руку поднырнул мальчишка-оборванец, потянулся за хлебом. Арлейн остано-

вилась резко, перехватив его взглядом.

- Щас по рукам получишь! - сказала сухо, но без злости.

У второго столика хмурый клиент стучал кружкой по столу.

- Принеси ещё эля, - крикнул он, глядя мимо неё.

- Минуту, у меня не сто рук, - пробормотала Арлейн, уже мысленно решая, кто сегодня забудет заплатить.

- Ко второму столику давай быстрее! - не отставал Барут.

Арлейн склонилась к очередному гостю, поставила перед ним плошку с едой.

- Ваши щи. Холоднее уже не станут, - коротко сказала, отходя.

- А улыбаться здесь не учили? - недовольно буркнул мужчина.

- Учили. Но уволился тот, кто учил, - спокойно ответила она и двинулась дальше.

Воздух был тяжёлым, словно его пробовали варить вместе с похлёбкой. Арлейн чувствовала: этот день никогда не кончится. Внутри всё молчаливо кипело, но она держала спину прямо - никто не должен видеть, насколько устала она ото всех.

Барут опять что-то выкрикнул из-за прилавка. Арлейн решила не отвечать. Пускай думает, что она глухая; хуже не будет.

Когда девушка поднесла поднос к очередному столику у окна, один из клиентов, рыхлый мужчина с волосами, слеп-

шими от жира, вдруг резко схватил её за запястье. Его пальцы были влажные и цепкие.

- Ой, красавица, а ты чего такая быстрая? Может, притормозишь, покажешь мне, где тут потеплее в этой таверне? - он ухмыльнулся, сверкнув гнилым зубом. Соседи по столу зашикали, кто-то прыснул со смеха.

Арлейн выдохнула коротко, с силой выдернула руку, но тут же выдала ослепительную, нарочито дружелюбную улыбку. Она наклонилась к мужчине настолько близко, что он почувствовал запах печёного лука и дыма:

- Остынь, пока я тебе кружкой по роже не дала, - сказала тихо, но так, что услышал весь стол.

Вечер подкатывал быстро, шум в таверне стоял такой, будто сюда со всей округи свезли уставших, пьяных и голодных за весь месяц. С каждым часом гостей становилось только больше. Барута нигде не было видно. Это начинало нервировать: он хоть и ворчал, зато всегда держал кухню и злющих клиентов в узде. Сейчас без него тут быстро начался хаос, кто-то уже спорил за место, кто-то тряс платой, требуя новое питьё. Арлейн сгребла поднос с грязной посудой, свободной рукой подтёрла стол и спиной толкнула кухонную дверь. Широко, чтобы поднос не соскользнул. Внутри было чуть тише, только жар плиты и дымились угли.

Она развернулась слишком резко и тут же врезалась во что-то крепкое. Мгновение - и тарелка с недоеденной похлёбкой шмякнулась кому-то на грудь. Остальное послета-

ло следом: поднос ударился о пол с оглушительным грохотом, кружки и миски прокатились в стороны. Арлейн застыла. Перед ней стоял мужчина в дорогом, чистом для этих мест камзоле тёмно-синего цвета. По серебряным пуговицам и короткому плащу было видно: этот сюда не за похлёбкой зашёл, и не местный. На белой рубашке расползалось мутное пятно.

Барут, наконец, рявкнул откуда-то со стороны раздачи:

- Арлейн! Ты что творишь, криворукая?!

Арлейн смотрела, как похлёбка медленно растекается по сукну его плаща. Потом медленно, словно боялась вдохнуть, подняла взгляд. Пришлось запрокинуть голову: мужчина был высок, жёсткий овал лица, глаза острые, из которых можно было выгребать целое ведро холода.

Арлейн едва заметно сжалась, проглотила колючий ком в горле и, едва-едва слышно, выдавила:

- Простите...

Мужчина смотрел так, будто одним словом мог превратить её в прах, и Арлейн впервые за вечер почувствовала: в этот раз выручать её никто не станет.

Барут метнулся к ним, нервно размахивая белым полотенцем, и взволнованно забормотал, то ли извиняясь, то ли оправдываясь:

- Простите, простите… Сейчас, сейчас, я всё уберу… Эти девчонки приютские, руки кривые, не смотрят куда идут…

Он начал спешно тереть грязное пятно на плаще гостя, но

только размазал похлёбку ещё сильнее.

Мужчина медленно перевёл на хозяина взгляд. Не говоря ни слова, выдернул тряпку из его рук и с явным презрением бросил её в угол.

- Через месяц, - коротко бросил он Баруту, голос ровный, но жёсткий.

После этого мужчина шагнул к двери, не оглянувшись ни на Арлейн, ни на притихшего хозяина.

Дверь хлопнула, и в зале повисла глухая тишина. Барут резко обернулся к Арлейн, лицо перекосилось злобой:

- Дура ты безмозглая, - прошипел он сквозь зубы. - Шагай, работай быстро!

Из зала тут же посыпались выкрики:

- Добавки!

- Где наша похлёбка?!

- Эй, девка, эля ещё!

Барута это взбесило ещё больше. Он махнул в сторону двери:

- Двигайся, пока пендаля не получила!

Арлейн сжала губы, подхватила новый поднос и понеслась обратно, не чувствуя ни ног, ни усталости - только тупую обиду и злость, мешающую отдышаться.

***

Наконец шум стих. По скамьям валялись два храпящих бродяги, ещё парочка спорила во сне за пустую кружку, остальные рассосались по чёрным переулкам.

Барут тыкал сонных в плечо, тряс и поднимал голос:

- Давай, вставай, скотина, платить будешь или так и будешь тут гнить?

- Здесь не ночлежка!

Кто-то мычал в ответ и только глубже прятал голову в локти.

Арлейн молча протирала столы жёсткой тряпкой, собирая в кучу объедки и пустую посуду. Ощущение опустевшего зала было почти сладким, как короткая передышка.

Она украдкой бросила взгляд на Барута, потом, будто между делом, спросила негромко:

- Барут, а кто это был? Тот, на которого я всё вылила?

Хозяин резко обернулся, его брови сдвинулись на переносицы.

- Не твоего ума дело, поняла? - зло огрызнулся он, - После твоей выходки, это похоже теперь моя головная боль. Если вернётся, уж постарайся не убить его с порога.

Он ещё что-то проворчал себе под нос и снова занялся сонным гостем, пытаясь вытащить у того пару монет за похлёбку. Арлейн просто вытерла стол так, что дерево почти заскрипело и больше уже ни о чём не спрашивала. Когда внизу всё заблестело, а последний гость был выставлен прочь, Арлейн взяла ведро с водой и поднялась на скрипучую лестницу, ведущую на чердак. Чердак был её убежищем, скошенный потолок над балками, в одном углу старый сундук с облупленными шкурами, вместо пола неровные доски с щеля-

ми. Здесь всегда пахло деревом, прошлогодней мятой и мышами. Узкое окошко пропускало свет фонарей с улицы, и под ним стоял её весь «дворцовый» уют: кровать, умывальный таз на табуретке, моток белья да кривое зеркало в трещинах.

Арлейн вылила воду в таз, быстро стянула с себя платье и, стиснув зубы, начала оттирать плечи и грудь жёсткой мочалкой. Горячая вода немного помогала, но кухня не сдавалась, запах подгорелого сала и копоти въелся в кожу так, что казалось, он теперь её часть. Она вылезла из таза, стала босыми пятками на холодные доски. Перед зеркалом распустила мокрую косу, длинные, светло-русые волосы слиплись и тяжело легли по плечам до самого пояса. Провела по ним расческой, выпрямляя отдельные пряди. Из трещиноватого зеркала смотрела на неё девушка лет семнадцати, среднего роста, с обычной уличной фигурой, не худая и не пышная, кожа чуть загорелая от работы на солнце. Лицо было не красивым в обычном смысле, но цепляло взгляд: едва заметная родинка над верхней губой справа, прямой, почти мальчишеский нос, острые скулы, сильный подбородок. От долгой жизни на улицах губы чуть потрескались, а у самого края рта залегала короткая, едва заметная тень, след старой усмешки, привычки скрывать настоящие чувства. Стальные, чуть выцветшие глаза искрились упрямством.

Досушив волосы грубым полотенцем, Арлейн натянула простую ночнушку, вытерла ноги. Она легла на свою узкую

деревянную лежанку, на жёсткий, набитый сеном тюфяк, наскоро прикрылась истёртым одеялом. Дощечки поскрипывали под спиной, но усталость была сильнее: Арлейн вытянулась во всю длину, блаженно распрямив ноги. Впервые за целый день она позволила себе просто лежать в тишине, без чужих голосов и взглядов.

***

Утро застало Арлейн, когда она только начала забываться тяжёлым сном. Резкий стук под самым ухом заставил вздрогнуть и приоткрыть глаза. Крыша над головой еще дышала ночной сыростью, за маленьким оконцем бойко чудился рассвет: бледные полосы солнца тянулись сквозь паутину стекла.

В окно торчал отчётливый силуэт, по-собачьи лохматая голова, тонкие локти, и даже в этом утреннем полусумраке было ясно: это Тирс, пацанёнок лет восьми. Он, завидев, что Арлейн ожила, отчаянно замахал руками, едва не соскользнув с выступа под окном.

Девушка тяжко потянулась, зевнула так, что хрустнула челюсть, босыми пятками ступила на деревянный пол.

- Чего ломишься? - проворчала она, отодвигая засов.

Тирс тут же втиснул в распахнувшуюся щель облупленное лицо и лохматую макушку, шмыгнул глазами по чердаку, ковырнул носком сапога раму и, не дожидаясь приглашения, ухитрился влезть целиком. Грязные колени, растянутый локоть, рваная рубаха, от которой пахло дымом и переулками.

Тирс вытаращил на Арлейн глазёнки:

- Ты чего, не слышала, что вчера было? - сипло выдохнул он, перепрыгивая с ноги на ногу.

Арлейн ещё раз зевнула, проводя рукой по лицу, и буркнула:

- Нет. У меня в таверне дел вчера по горло. Не до твоих новостей было.

Тирс плюхнулся прямо на её лежанку, ноги поджал под себя и тут же, с надеждой посмотрел в сторону полки:

- А пожрать есть чего?

Арлейн скривилась в полу ухмылке, полезла наверх и достала спрятанное для себя сочное яблоко. Кинула Тирсу. Тот тут же смачно впился в плод зубами, разбрызгивая сок, и начал тараторить, жуя и размахивая свободной рукой:

- Ты не представляешь, вчера на площади нарисовались двое: один такой здоровый и злой, прямо с лица видно; второй чуть поменьше, но улыбается во всю пасть. Я едва увернулся, а то б они меня на своих лошадях так и снесли! Крикнул им вслед, чтоб по сторонам смотрели. Потом они прямиком к торговцу Саврану, ну ты ж знаешь, который всё скупает, хоть ворованное, хоть дрянь всякую. Долго с ним болтали, потом смотрю, Савран свою палатку хлоп, закрыл да и ушёл домой, прямо посреди самой торговли! Дальше лучше. Тот, что улыбается, к Лиране подкатил так она потом стояла вся красная, чуть с ног не свалилась... А нам, пацанам во дворе и мне они листовки какие-то сунули, да ещё и по мо-

нетке золотой дали! Смотри, не обманули, настоящие! - Он выудил из кармана монетку, блеснул ею перед Арлейн и с деловым видом цапнул зубами.

Арлейн лениво приподняла бровь.

- А листовки что?

- Ща, - деловито и чуть гордо, Тирс протянул одну из них через всю комнатушку.

Арлейн взглянула, нахмурилась, потом уставилась на пацанёнка.

- Забыл совсем... - Тирс вдруг хлопнул себя по лбу, поймал виноватый взгляд и шепнул заговорщицки: - Ты ж читать не умеешь...

Он поёрзал на кровати, но взгляд у него был лукавый.

- «Всем… по-до-дан-ным… Со-об-ща-ет-ся… что госу-дарство Хессарии… ищет… опасного… сбежавшего… за-клю… ченного… по имени...» - тут Тирс споткнулся, перескочил сложную фамилию и поехал дальше, - «За сведения, при-ве-дё… приводящие к его по-й… мке, полагается награда: тридцать золотых. За поимку… жи-вым… четыреста… золотых монет!»

Он резко поднял взгляд, глаза сделались огромными, как два блюдца:

- Четыреста золотых! - выдохнул он мечтательно, - Ты представляешь, сколько всего купить можно, Арлейн? Я бы, наверное, каждый день пироги ел и сапоги новые купил, и нож... и целый год бы вообще не работал!

Он расчётливо загнул пальцы, явно представляя перед собой сверкающую гору сокровищ, но потом шумно выдохнул и вернулся к листовке, будто проверяя, не приснилось ли ему.

Арлейн нахмурилась, глядя на листок в руках пацана:

- А за что его искать-то? Написано что-нибудь?

Тирс поджал губу, снова пробежал глазами по листовке, потом пожал плечами:

- Неа, про дела тут ни строчки. Только как выглядит. Вот, - он вернулся к тексту, старательно выговаривая, - «На вид около тридцати лет, рост выше среднего, волосы тёмные, скулы широкие… На левой руке шрам…»

Тирс пробежался глазами вниз, снова ткнул пальцем:

- Во как, даже про одежду расписали… Серый плащ, ботинки тёмные, перстень железный…

Он поднял голову и спросил с надеждой:

- А ты не видела тут такого в городе? Ну, вдруг в трактире объявился?

- У меня тут лица мелькают, как зерно на мельнице, - махнула рукой Арлейн. - Вспоминать каждого - удавишься. Давай-ка выметайся, мне переодеваться надо.

Тирс спрыгнул с её лежанки, ловко юркнул к окну. Уже вылезая, обернулся на пороге:

- Если вдруг увидишь такого, скажи мне, а? - глаза блеснули азартом, - очень надо, я бы от такой награды ни за что не отказался!

Он сверкнул улыбкой и исчез за окном, оставив Арлейн в холодном утреннем свете на чердаке среди непротепленных досок и вчерашних мысле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.